

Неправильный монумент

➤ Рядом с комсомольцами на гранитном пьедестале должны стоять и «враги народа»

МНОГИЕ ПЕРВОСТРОИТЕЛИ Магнитки, их жены и дети жили за колючей проволокой, ходили на работу под конвоем. Около сорока тысяч человек сослано в тридцатых годах в Челябинскую область. Раскулаченные, репрессированные за неосторожно высказанное мнение, по наговору «доброжелателей» и по плану. Стране требовались промышленные гиганты, новые города, железная дорога...

Это не должно повториться!

– Сталин придумал механизм, который задушил экономическую, а потом и политическую свободу граждан, – говорит учитель истории, краевед, автор второй Книги памяти Геннадий Васильев. – И создал армию, которая работала бесплатно.

30 октября – День памяти жертв политических репрессий. В Магнитогорске его отметили презентацией книги, в которой записаны данные около пяти тысяч человек, осужденных по 58-й статье УК РСФСР, раскулаченных, трудармейцев, жен и детей врагов народа. Они жили в Магнитогорске и в ближайших сельских районах. К нынешнему времени их почти не осталось. Геннадий Александрович уверен, что теперь дети и внуки репрессированных должны сделать все, чтобы люди помнили, чтобы это – не повторилось. Многие из них пришли в центральную библиотеку в минувшую субботу, находили в большой серой

книге фамилии родных, читали, как были обустроены лагеря для политзаключенных. Плакали...

Расстрел за дерево

Муллахметовых в Книге памяти записано тринадцать. Крестьяне из деревни Бизьяки, что около Казани, были признаны кулаками. Всю семью отправили в товарном вагоне в Магнитку, в спецпоселок. Сначала жили в палатке, потом в бараке. И взрослые, и дети умирали от холода, голода и болезни. Из того поколения Муллахметовых осталось два человека...

Дед Натальи Кузьминой умер в челябинской тюрьме, бабушка сидела в лагере для жен изменников Родины. Отца исключили из техникума в Перми, когда узнали, что он член семьи врагов народа. Отправили в трудовую армию. Наталья Борисовна начала узнавать правду о жизни и смерти своих родных только к девяностым годам. И даже написала книгу воспоминаний.

Дед Валентины Голобородовой – казак, георгиевский кавалер, ветеран первой мировой войны – работал лесником. Арестован в 1937 году.

Формальным поводом стало разрешение бесплатно срубить дерево. Жена и четверо детей ждали Алексея Терентьевича десять

лет. Именно о таком сроке им было объявлено – без права переписки. На самом деле лесника расстреляли через месяц после ареста в магнитогорской тюрьме.

Пострадал и свекор Валентины Андреевны. Его раскулачили. Забрали корову, два хомута, бричку и сорок овец. Отправили работать в Магнитку. Здесь

РИСУНОК > ВИКТОР РАЙМХ

у него родилось трое детей, а в 1943 году «кулака» снова арестовали и отвезли на Дальний Восток – оказалось, там были очень нужны плотники...

– Репрессии были политикой государства по отношению к народу, – говорит Геннадий Александрович.

– Политика неуважительная: расстрелять, посадить за инакомыслие, за критику, за наличие собственного мнения. Спецпоселки и концлагеря опутывали всю страну. – Забирали взрослых, забирали детей двенадцати, пятнадцати лет...

Дети назывались социально опасными, подлежали отправке в трудовые коммуну. Там они работали, ели овощной суп и тушеный турнепс. В 1935 году опасными оказались более шести тысяч детей, в следующем году – уже более пятнадцати тысяч. В 1937 году в трудовых колониях жили и работали более 17 тысяч несовершеннолетних, в 1938 – более двадцати тысяч.

Девятиклассники Слава Тимошкин и Юра Красных были арестованы, потому что считали странным отправку продовольствия за границу во время голода. Срок – тринадцать лет. Шестиклассники Федор Борисов и Григорий Путилов хотели помешать работе драмкружка. Пять лет трудовой коммуны и девять лет ГУЛАГа...

На презентации показывали жуткие фильмы о поломанных судьбах. И вспоминали челябинца Воробьева, который за один день расстрелял 47 человек. Калиграфическим подчерком он составил акт об этом. Среди расстрелянных были и наши земляки, о судьбе которых родные узнали многие годы спустя.

С чего начинается Родина?

Учитель истории Геннадий Васильев стал собирать данные о репрессированных в 1988 году. Геннадий Александрович уверен, что такое нельзя забывать, иначе репрессии могут вернуться. И кроме того, давно нужно перестать быть Иваннами, не помнящими родства. Память о родных, уважение – это и есть патриотизм, считает автор Книги памяти. С любви к ним, как и к своему двору, улице, краю, начинается Родина...

А дети и внуки жертв политических репрессий удивляются тому, что в Магнитогорске до сих пор есть памятник только первостроителям-комсомольцам.

– А где памятник нашим родным, которые строили город и комбинат? – вопрошают они ☹

ТАТЬЯНА БОРОДИНА

Не затерялись, не забылись

➤ Презентация Книги памяти стала поводом для дискуссий об эпохе сталинизма

ПРЕЗЕНТАЦИЯ второй части Книги памяти жертв политических репрессий Челябинской области Геннадия Васильева в «читалке» началась с очереди за книгами.

Студенты, преподаватели, ветераны, краеведы листали томик, оформленный в стилистике черно-белого фото, искали «своих». Среди гостей встречи – давний друг и вечный оппонент нашего «Металла», ветеран Гипромеца Матвей Литичевский. В числе фамилий репрессированных, перечисленных в книге, нет фамилий его родственников – они родом из других мест. Но в его руках – оба тома как свидетельство истории всей страны.

Вспоминаю, как несколько лет назад по воспоминаниям Вероники Лешер писала о судьбе репрессированного Низовцева. Ищу фамилию в книжном списке по алфавиту, почти не надеюсь: репрессированных в области – десятки тысяч, в двух томах не охватишь. И все же нахожу полторы строки: «Низовцев Андрей Константинович. До ареста (1947 – 1949) преподавал в Магнитогорском педагогическом институте». И пусть эти сведения не вполне совпадают с тем, что по памяти воспроизвела моя собеседница: по ее рассказу, Низовцева арестовали перед войной, вскоре отпустили истерзанного, с выбитыми зубами. Предположительно, он потом отправился на фронт, и его следы в Магнитке затерялись. А что если эти сведения друг другу не противоречат: к примеру, было два ареста?

В Челябинске у Низовцева оставалась родня, и для нее изустные сведения так же важны, как документально подтвержденные. Важно и само стремление не допустить забвения единичной судьбы, будь это сухая документальная справка или воспоминание с бытовыми подробностями – ведь Вероника Лешер помнила даже фамилии людей, которые помогли измученному в челябинских чекистских застенках Андрею Низовцеву добраться от вокзала до жилья, приютили на первое время. На этом фоне понятнее, что стоит за скорбными пометками «арестован, осужден, расстрелян» после каждой фамилии в Книге памяти. Геннадий Васильев привел пример скорой расправы: в левобережном театре имени Пушкина кто-то неудачно произнес «перевесь Сталина на другую стену», имея в виду портрет. Но больше этого человека не видели: ночью был арестован по доносу.

На презентации предстали кадры съёмки в полуразрушенном здании НКВД, еще сохранившем барельеф с изображением красноармейца с винтовкой: где-то в этих подвалах томилась люди, шли расстрелы. И еще один кадр из фильма о презентации в сельском районе: на столике рядом с книгами – стакан воды и валерьянка...

Оттого-то презентация книги почти весь час сопровождалась шепотком в зале: участники дискутировали с автором по каждому вопросу – о роли сталинизма и хрущевской оттепели в национальной судьбе, правомерности использования человеческого материала при

строительстве Магнитки. Десятилетия проходят, а эти темы остаются болезненными: так стоит ли удивляться наэлектризованности атмосферы в зале? После презентации, когда начался свободный обмен мнениями, Матвей Литичевский еще подлил масла в огонь, высказавшись против скепсиса американца Стивена Коткина, наблюдавшего строительство Магнитки в тридцатые:

– А победила бы страна в войне, не будь Магнитки?

– А еще была бы война, не будь Магнитки? – парировали из зала.

Но это был спор не противников, а единомышленников: как бы ни разнились мнения участников встречи о прошлом, отчетливо звучала тональность не осуждения, а покаяния. И Матвею Моисеевичу было что сказать об этом: в середине двадцатого века, когда потребовалось место для возводимого под его руководством объекта для металлургии, решением городских властей захоронение спецпереселенцев в Старосеверном поселке было перенесено в братскую могилу.

– По закону, нужно было сначала предложить родственникам перезахоронить своих умерших, – вспоминает ветеран. – Мы объявили о скорой ликвидации захоронения, но никто из родственников не отозвался. Некому было отозваться.

Геннадий Васильев тоже отметил: потери народа в ГУЛАГе сопоставимы с потерями в войне, однако к настоящему времени фронтовики еще живы, а прошедших лагеря – единицы.

Презентация закончилась многочисленными благодарностями, звучавшими почти один в один, потому что беда в сталинскую эпоху была на всех одна:

– Спасибо, что увековечили память моего деда. Мы не знаем места его расстрела, но эта книга – как памятник ему.

Работа над новыми частями Книги памяти продолжается ☹

АЛЛА КАНЬШИНА

➤ Потери народа в ГУЛАГе сопоставимы с потерями в Великой Отечественной войне